

ПОЛЬСК. *pedy* „КОРОМЫСЛО“ — РЕЛИКТ ПРУССКОЙ ЛЕКСИКИ

0. Прусский язык затопили волны других языков, и, подобно ушедшему ко дну кораблю, он мало оставил следов по себе на их поверхности. Так, в современных говорах польского языка реликты прусской лексики исчисляются буквально единицами¹ — несравнимо меньше того, чем представлены в тех же диалектах заимствования из литовского языка². Причина этой диспропорции заключается, главным образом, в общем различии субстратного и адстратного воздействия на язык, когда все убывающий характер первого и дальше поддерживаемый — второго находят соответствующее отражение прежде всего в различном количестве одних и других элементов в воспринимающем языке. Однако, помимо этой чисто языковой причины столь незначительного представительства прусской лексики в составе польских говоров, существует еще и ряд уже собственно языковедческих моментов, влияющих на наши представления о распространении пруссизмов в суперстратной по отношению к пруссам языковой среде. Один из них — это уже почти „общее место“ — недостаточная „собранность“ лексики, второй — неполнота ее изученности. Следствием последнего является, в частности, то, что к литуанизмам польского языка, видимо, отнесен и ряд прусских слов. Именно такому случаю и переводу польского слова из литуанизмов в пруссизмы и посвящена данная статья.

1. Одним из терминов, распространенных исключительно в северной части Польши, является *pedy* „коромысло“. Ареал этой лексемы имеет треугольную конфигурацию со сторонами в ориентирах: Августув — устье Буга — Моронг — Голдап. Кроме того, небольшой островок употребления

¹ Т. Milewski, Stosunki językowe polsko-pruskie, — SIOc XVIII (1947) 75.

² Т. Zdancewicz, Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejń, — LP VIII (1960) 333 — 352; Его же, Litewskie i ruskie zasięgi słownikowe na Białostocczyźnie, — „Z polskich studiów slawistycznych“, seria II, Warszawa, 1963, 287 — 310; Его же, Gwary powiatu Sejneńskiego na tle procesów osadniczych — „Materiały do dziejów ziemi Sejneńskiej“ (Prace Białostockiego towarzystwa Naukowego, N 1), Białystok, 1963, 235 — 243; Е. Smułkowa, Lituanizmy w białoruskim słownictwie rolniczym, LP XV (1969) 55 — 69.

слова *pedy* локализуется к востоку от Торуня (Цехоцин, помят Липно)³ (см. карту).

Еще в 1912 г. Я. Розвадовский писал: „wyraz *pedy*, *pédy* (*pydy*) „*nosidło, drażek do noszenia wody w wiadrach lub konewkach, zakładający się na ramiona (koromysła)*“, używany w Tykocińskim, Łomżyńskim (*pedy*), Płockiem, Sierpeckiem, Lipnowskim (*pydy*), pochodzi z litew. *pėdė*, *pėdžios* „*soszka, пята, пятка, каблук*“...⁴

В этом высказывании отметим прежде всего то, что в отличие от данных современной диалектологии ареал рассматриваемой лексемы продолжался и дальше на юго-запад, вплоть до течения Вислы (Плоцк, Серпц, Липно). Таким образом, упомянутый выше островок близ Торуня вовсе не был изолированным, а в исторической перспективе вместо линии Моронг — устье Буга в качестве юго-западной окраины ареала термина *pedy* следует считать течение р. Дрвенцы (п. Вислы) — Висла — устье Буга, т. е. по своей конфигурации ареал интересующего нас слова был не треугольным, а ромбовидным.

Указывая, что „*ślady podobne spotykają się... na całym pasie, dziś i oddawna polskim, po prawej stronie Wisły aż do Drwięcy (po Toruń)*“⁵, Я. Розвадовский считал эти следы литовскими, как литовской по своему происхождению была для него и севернопольская форма названия коромысла *pedy*.

2. Сто лет назад Г. Г. Ф. Нессельман впервые обратил внимание на немецкое диалектное слово „*pēde*, Prov[inzialismus], die Wassertrage, Eimertrage“, употреблявшееся в говорах быв. Восточной Пруссии. Немецкий ученый поставил его в связь с глагольным корнем **pīd*, представленным в прусск. *pīst*, *pust* (инфинитив), *pīdimai* „(wir) bringen“ и под⁶.

Более обстоятельно соответствующая статья была изложена затем в словаре Г. Фришбира:

„*Pēde*, f., Wassertrage, Eimertrage, Tragholz auf den Nacken und über die Schultern zu legen, mit herabhängenden Stricken und Haken auf beiden Seiten,

³ Mały atlas gwar polskich, IX, cz. I, mapa 445.

⁴ J. Rozwadowski, O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich RSI V (1912) 19. Сведения о географии термина *pedy* (*pydy*) были накоплены в польской диалектологии конца XIX в. Ср., в частности: St. Ciszewski, Kilka prowincjonalizmów płockich — „Wisła“, III, Warszawa, 1889, 72; W. Grzegorzewicz, O języku ludowym w powiecie przasnyskim — „Sprawozdania komisji językowej Akademii Umiejętności“, V, Kraków, 1894, 120; H. Łopaciński, Przyczynki do nowego Słownika języka polskiego, PF, V, 1889, 826, 829. Ср. также J. Karłowicz, Słownik gwar polskich, IV, Kraków, 1906, 68.

⁵ Там же.

⁶ См. G. H. F. Nesselmann, Thesaurus linguae prussicae, Berlin, 1873, 122, 128.

um Eimer und Körbe zu tragen, sonst Schanne. Ostpreußen, in Westpreußen *Schande*. In Preusz.-Polen *pedy*...“⁷

Кроме того, в этом же источнике указано и производное образование: „*Pêdehaken* — 1. der eiserne Haken an dem Strick der Pêde; 2. (bildlich) eine krumme Nase; 3. Name für die Zahl 77, weil sie zwei umgekehrten Pedehaken gleicht; beim Kegelspiel“⁸.

По данным цитируемого труда, рассматриваемый термин был зафиксирован еще под 1759 г. (И. Г. Бок), но особенно важно для нашей темы то, что Г. Фришбир в один ряд с немецкими формами поставил здесь и польск. *pedy* (см. выше).

Предложенная Г. Г. Ф. Нессельманом и принятая Г. Фришбиром этимология немецкого диалектизма *pēde* встретила поддержку и нашла дальнейшее развитие в трудах балтистов нашего века. В частности, для географии обсуждаемого слова укажем, что Г. Герулис отмечал его употребление (в форме *dī pēd plur.*) в окрестностях Тильзита⁹ (ныне Советск, Калининградской обл. РСФСР), а Э. Френкель считал его заимствованием из такого прусского диалекта, „в котором, как в I Катехизисе и в Эльбингском словаре, сохранилось балт. *ē*“¹⁰.

Таким образом, в ранее существовавших немецких говорах быв. Восточной Пруссии термин *pēde* „коромысло“ представлял собой реликт прусской лексики. Соответствующее прусское именное образование, возможно, нашло свое отражение в антропонимии носителей этого языка: ср. *Pede* (1282 г.) и в особенности *Peedy* (1408 г.)¹¹.

1–2. Рассмотренные материалы позволяют резюмировать, что на двух смежных территориях в междуречье низовьев Вислы и Немана, в быв. Восточной Пруссии и в современной Польше был в употреблении, а, частично, употребляется и сейчас один и тот же термин со значением „коромысло“ — нем. *pēde*, польск. *pedy*, который, однако, получил два различных истолкования: как прусский — у Г. Г. Ф. Нессельмана и как литовский — у Я. Розвадовского. Поскольку каждый из названных ученых при исследовании имел в виду только свой объект — соответственно: немецкий или польский язык, возникает вопрос о необходимости единого объяснения лексемы *pēde* (*pedy*) для всей территории ее распространения.

⁷ Н. Frischbier, *Preussisches Wörterbuch Ost- und Westpreussische Provinzialismen*, II, Berlin, 1883, 129.

⁸ Там же, 129, 543.

⁹ См. G. Gerullis, *Altpreußisches*, — *AfslPh* XLI (1927) 155.

¹⁰ E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1962, 585.

¹¹ R. Trautmann, *Die altpreußischen Personennamen*, Göttingen, 1925, 75.

3. Если обратиться к семантической структуре названий коромысла в территориально ближайших к ареалу *pēde/pedy* диалектах польского, а также белорусского и литовского языков, то окажется, что одним из весьма распространенных семантических типов является образования от глагола со значением „нести“. Так, к югу от нашего ареала мы встречаем польск. *nosidla* и другие производные образования с основой *noś-* (*nosz-*), к востоку — формы *nositka*, *nosity*. Ср. также на юго-западе Польши названия *traga* „коромысло“ и *tragi* „то же“ от нем. *tragen* „нести“¹².

По данным „Диалектологического атласа белорусского языка“, названия коромысла, производные от глагола *насиць* „носить“, локализируются на окраинах БССР: вблизи границы с Польшей (два пункта), главным же образом — в районах, которые прилегают к Литве¹³.

Наконец, на соседней с Польшей части территории Литвы, в Занеманье встречаются такие производные от глагола *nėšti* „нести, носить“ названия коромысла: *nāščiai* (Гейстарай (Дидвижяй), р-н Вилкавишкис), *nėščiai* (Лейпалингис и Рудамина, р-н Лаздияй) и *nėšiai* (Мирославас, р-н Алитус)¹⁴.

Таким образом, ареально-семантическая типология названий коромысла в окрестностях ареала термина *pēde/pedy* позволяет утверждать, что единственно приемлемым объяснением происхождения этой лексемы является указание на ее связь с прусским глаголом *pīst* со значением „нести“. Следовательно, к немногим пруссизмам польских говоров прибавляется еще один — *pedy* „коромысло“.

4. В связи с установлением прусского характера польск. *pedy* особый смысл приобретает вопрос о фонетических вариантах этой лексемы. Ведь именно на основании формы немецкого регионализма *pēde* Э. Френкель делал вывод о типе прусского диалекта, ставшего источником его заимствования (см. 2).

Польский ареал пруссизма с точки зрения ареального распределения фонетических рефлексов корневой гласной оказывается достаточно выразительным: основная форма *-e-* (*pedy*), однако на северо- и юго-западной окраинах территории распространения данной лексемы наблюдается сдвиг в сторону *-y-* (см. карту): в первом случае как промежуточное образование *-^ʷei*, *-^ʷe*

¹² Mały atlas gwar polskich, IX, cz. I, mapa 445; cz. II, 130.

¹³ См. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, Мінск, 1963, карта № 249. Кстати, частично этот ареал связан с особой формой самой реалии. Ср. „в северных районах Витебской области (Миорский, Браславский) в средней части коромысла выдалбливалась полукруглая выемка, которая облегалла плечи“ (Л. А. Молчанова, Материальная культура белорусов, Минск, 1968, 221).

¹⁴ LKŽ VIII (1970) 568, 701, 705.

во втором — как чистое -у- (за исключением записи к западу от Пултуска: у)¹⁵. При этом показательно, что привисленское *pydy* зафиксировал и Я. Розвадовский еще в начале столетия (см. 1).

К сожалению, в данном случае приходится ограничиться только обращением внимания на территориальное размещение фонетических форм польск. *pedy*, поскольку в первую очередь необходимо выяснить состав и географическое распределение немецких региональных вариантов от *pēde* (ср. 2). И лишь впоследствии, после определения взаимосвязей между польскими и немецкими рефлексам исследуемого западнобалтийского реликта, можно будет поставить вопрос об отношении польских форм к тому или иному диалекту прусского языка. Следует добавить, что без привлечения польских данных и определение прусского диалектного источника для немецкого регионального *pēde*, данное Э. Френкелем (см. 2), теперь уже нельзя считать достаточным.

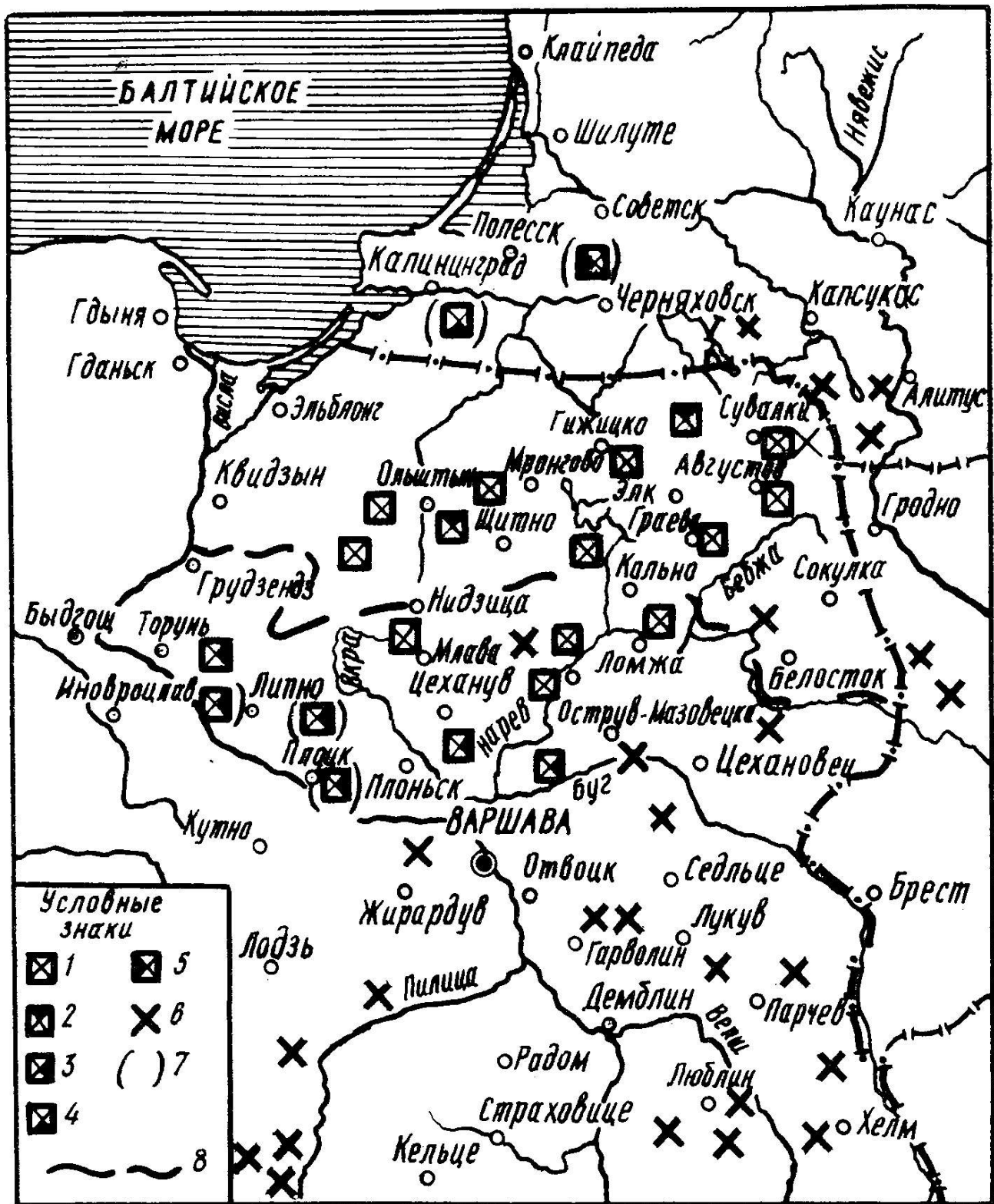
5. В свое время, исследуя польский язык на территории быв. Восточной Пруссии, К. Нитш писал: „Z pierwotnej ludności pruskiej pozostały zaledwie jednostkowe ślady, np. kadyk „jałowiec“ = litew. kadagỹs (to samo zapożyczenie w dialektach niemieckich“¹⁶. Ср. kaddik „Wachholder“¹⁷. Таким образом, в случае с *pēde/pedy* мы имеем еще одно общее немецко-польское заимствование из прусского языка. Намеченное еще Г. Фришбиром, оно стало доказанным только благодаря привлечению к исследованию более широкого лингвистического ареала, не ограниченного рамками одной языковой территории, и в этом факте, как кажется, еще раз нашла свое подтверждение высказанная нами ранее мысль о необходимости построения „внешней географии“ прусского языка¹⁸. Правда, в таких поисках неизбежен риск оперирования, как синхронными, фактами — строго говоря — разного времени, но ведь твердо стоя на обеих ногах, без колебаний, нельзя сделать и шагу вперед.

¹⁵ См. Mały atlas gwar polskich, IX, cz. II, 131.

¹⁶ К. Nitsch, Język polski w Prusiech Wschodnich, — Wybór pism polonistycznych, III, 1954, 366.

¹⁷ W. Mitzka, Kleine Schriften zur Sprachgeschichte und Sprachgeographie, Berlin, 1968, 163.

¹⁸ См. А. П. Непокупный, К составу и географии литовских и белорусско-славянских соответствий (параллелей) прусским префиксальным образованиям, — Baltistica VIII (1972) 17.

Карта. Рефлексы прусск. *rijst* (*pidimai*) „нести (несем)“ в названиях коромысла в междуречье Вислы и Немана.

Условные знаки: 1 — *pedu*; 2 — *pē(i)dy*; 3 — *rudu*; 4 — *pēde*; 5 — *pēd*; 6 — производные от *nesti/nēsti*; 7 — исторические формы; 8 — ориентировочная южная граница прусских племен в 1260—1274 гг. (см. К. Kuzavinis, *Prūsų kalba*, Vilnius, 1964, 31).